

Ночной разговор на Facebook

Владимир СОЛОВЬЕВ – София НЕПОМНЯЩАЯ tête-à-tête

*Как различить ночных говорунов,
хоть смысла в этом нету никакого?*
Иосиф Бродский

Вот как всё это началось. Человек я сравнительно новый на Facebook, на самых ранних порах отбирал френдов из реальных моих знакомых, пока не понял виртуальный характер фейсбучной дружбы. Среди самых первых, пожелавших сойтись со мной ближе, была молодая москвичка София Непомнящая, которую я принял в свой дружеский круг, не заглядывая в ее curriculum vitae, – за красоту. Волоокая синеглазка, да еще с таким вдумчивым, углубленным, пытливым взглядом, что с ходу влюбился, в чем тут же ей и признался. «Это длится не более двух недель. Проверено» – ушат холодной воды на мою седую голову со стороны прекрасной незнакомки. Предсказание Софии, однако, не сбылось, пусть чувство мое за две недели не то чтобы улеглось или охладилось, но одухотворилось, что ли, в ущерб чувственности: благодаря ее разносюжетным постам высокого интеллектуального накала. Классный блогер, но мало того, что мы сошлись с ней во взглядах, так еще и стилистически, что для меня, как писателя, важнее всего.

На каком-то этапе нашей виртуальной, а точнее – по старинке – метафизической близости я усомнился в реальном существовании Софии Непомнящей, припомнив разного рода литературные розыгрыши – от Клары Газуль, все пьесы которой сочинил Проспер Мериме, до Черубины де Габриак, которую измыслил Макс Волошин и писал за нее стихи, много лучше своих собственных. Да еще фильм «Симона» – кинорежиссер Виктор Тарански, которого играет Аль Пачино, в отчаянную минуту, когда от него в разгар съемок уходит ведущая актриса, создает взамен виртуальную актерку: Симона становится любимицей публики, получает Оскара и начинает жить натуральной и независимой от своего создателя жизнью, а после неудачной попытки режиссера дезинтегрировать свое создание, стерев из компьютерной памяти, беременеет от него. Дела!

Я поделился своими сомнениями в реальности Софии Непомнящей с Софией Непомнящей, а это все равно, что делиться ревностью с ревнуемой женой, что я тоже делал – неоднократно и до сих пор. Так что мне не впервой. София Непомнящая предъявила мне косвенные и прямые доказательства своего физического существования, которые не то чтобы убедили меня, а скорее утешили (и утишили) мои сомнения. Даже если обман, то возвышающий, даже если игра ложного воображения у визионера, а какое воображение не ложное?

Мы продолжали время от времени перебрасываться с Софией лайками и комментариями, но я вообще на ФБ репликант, старомодно полагая Инет электронным самиздатом, а с меня достаточно бумажных изданий – сотни эссе в периодике по обе стороны океана и две дюжины книг на 12 языках в 13 странах (по-английски разные тиснения – в США и Великобритании). Это был вялотекущий платонический роман пока вдруг, в разгар работы с московским издательством «РИПОЛ классик» над очередной книгой авторского сериала под рабочим названием «Фрагменты великой судьбы», а именно ночью 21 октября 2015 года я не был вычислен, вычленен и извлечен из

огромного, со всего света гарема этой прелестницы, о чем узнал, обнаружив обращенную прямо ко мне записку Софии Непомнящей:

Пожизненная любовь наших родителей и легенда для людей моего поколения. Неувядаемых вам творческих сил и крепкого здоровья!

Без всякого на то повода, не юбилей и даже не день рождения – вестимо, «легенда» тут же откликнулась:

Спасибо, милая София! За что мне такая милость?

Мгновенный ответ:

– За ваш полувековой труд во исполнение пророчества «возвратить сердца отцов детям». За восстановление связи времен; так чтоб для нас ожили мысли, чувства, надежды, волнения и страхи родительского поколения. И все это – легко и свободно текущей и живо играющей родниковой русской (питерской) прозой.

И следом:

– Чтоб вам не делиться, позвольте отвесить то же самое в полной мере и неутомимой подвижнице пера и соратнице вашей Елене!

– А что, собственно, Вы из моей родниковой прозы читали, дорогая моя София?

– А вот немало, матерый вы скорпионище!

Само собой, намек на мои «Записки скорпиона», мемуарный роман о Москве. Иногда мы с Софией не поспеваем друг за другом и отвечаем невпопад, не дождавшись ответа. Сказывается не только разница в возрасте: физически мы с ней разминулись во времени. Еще разный опыт – опытный писатель и опытный блогер. Игра, однако, идет на ее поле, а потому в ее пользу, но победителей и побежденных в таких вот делах не бывает. Как в любви.

Эпистолярная скоропись с репликами, репризами, отточиями, недоговоренностями, оговорками, проговорами, да мало ли? мало не покажется! – вот жанр этого неоконченного пока виртуального романа, который оборвется так же внезапно, как начался, по техническим причинам: рукопись пора сдавать в типографию, последний шанс вставить этот наш с Соней отрывочный и обрывочный разговор – когда в личку, а когда на стенке, а теперь вот в эту мою книгу.

- Непредсказуемость окончательной формы (укуса frown emoticon или улыбки smile emoticon) скорпионова хвоста входит в понимание принципа неопределенности в смайлике

Шрёдингера. Хорошо бы воспроизвести. Смайлик сей есть суть улыбки ВС на его фото и даже его самого!

Это пояснение к посланной мне и неразгаданной мной аватарке. А графические эмодзи пришлось по техническим причинам заменять в книге их словесным эквивалентами.

– Касаемо же моих скорпионных повадок, жалею прежде всего самого себя, как и положено скорпионам.

– Как хлыст и лассо ковбоя.

И мгновенный ответ на мой вопрос о ее осведомленности в моей книжной продукции:

– *Исторические детективы, прежде всего! Как на ходу изрекаемые пророчества точно ложились на угадываемый ход истории. Особая пикантность чтения их – читать, накладывая историческую линейку: когда написано, что было уже тогда известно и что случилось потом. Я имею в виду Андропов, Горбачев, Ельцин и пр. прежде всего.*

– *Ну да, наши с Леной Клепиковой политические триллеры, благодаря им мы держались на плаву. До сих пор еще не проели и не пропутешествовали сказочные те гонорары. Все эти книжки про Андропова и прочих кремлевских резидентов выходили сначала по-английски, потом на других языках, а в новую (теперь ужé старую) эпоху по-русски.*

– *Я все уже по-русски читала. И «с линейкой» (исторической). Все равно как читать об Иване Грозном времен Избранной рады с некоторыми неожиданными (и неожиданно сбывшимися) пророчествами.*

– *Историк пророчествует назад.*

– *А вот какой-то у вас был роман или я путаю: роман с литературным таким названием, где из главных героев Бродский и Кушнер? Года примерно 1990? Похоже на «Роман с памятью», но другое. Что-то сегодня мой роман с памятью не задался frown emoticon.*

– *София, не притворствуйте! У Вас энциклопедическая память, а путаете Вы понарошку, для правдоподобия.*

– *Ладно. Признаюсь. Для оживления памяти кинулась к списку ваших (с Еленой и без) трудов – и НЕ нашла! (чего искала)*

– *Изначально «Роман с эпиграфами» (нью-йоркское и питерское тиснения), но «Захаров» в Москве издал под названием «Три еврея» (понятно, кто третий?) – горемычная питерская исповедь, написанная в России в 1975 году за три месяца. «РИПОЛ» переиздал «Трех евреев» в моем однотомнике со скромным названием «Два шедевра об Иосифе Бродском», а дюжина глав из него вошла в последний мой томиче «Иосиф Бродский. Апофеоз одиночества» – второй в авторском сериале после «Довлатова», а к концу года выйдут еще «Не только Евтушенко» и «Высоцкий и другие». «РИПОЛ» продлил мое литературное существование – бабье лето, Indian summer, лебединые песни – одна за другой. Пир во время чумы? Мой предсмертный реванш за тощие годы, когда я весь ушел в мир американской журналистики.*

– *ВОООТ!!!! Именно это название и есть! Вот вытащенный Вами утопленник, сплавившийся по волнам моей памяти. Значит, название просто дезинтегрировалось? «Роман с эпиграфами» превратился в «Трех евреев».*

– *А «Роман с памятью» – это подзаголовок «Записок скорпиона».*

– *Spooky! Роман-призрак! Так у вас там конкретные предсказания (сбывающиеся). Не помните? Значит, пророк «восхищенный и восхищенный» /Цветаева/ сам не помнит, что ему реклось? У вас все исторические романы читаются стремительно, как «Капитанская дочка» или «Метель», – вот что здорово! А «Роман с эписграфами» и вовсе не прост.*

– *Да. Нет. Как сказать: да, не прост? Или: нет, не прост? Кое-кто считает «Трех евреев» моей лучшей книгой. Что не так. Но там в самом деле эманация духовности и душевности в гармонии. Потом одно шло в ущерб другому, что не уменьшает значимости последующих опусов. Скобочность им к лицу. А там – в «Трех евреях» – сказано, что роман пишет не Владимир Исаакович Соловьев, а Владимир Исаакович Страх. Страх умнее, тоньше, талантливее Соловьева.*

Wow!

Короче говоря, творческих вам! И при всем наинижайшем и наитрепетнейшем к Елене, - знайте: девушки таких как вы любят.

– *Образованная Вы девушка, однако. Такая осведомленность в моих подвигах на ниве изящной словесности! Книг – невпророт, а сейчас и вовсе выходят одна за другой.*

– *Знамо дело. Вы куда как злописуч. Но в вашем случае – это благо.*

– *Надеюсь. Что меня роднит с Шекспиром, Достоевским и Гомером – мы все графоманы.*

– *Без этого – никак.*

– *Чувствую родного человека. Только не кокетничайте, пжст!*

– *Не кокетничать это как? я не умею frown emoticon. В стиле там есть как раз элементы кокетства. Но это от смущения. И потом «Le style c'est l'homme». Ныне мне не до стиля, не при стилЯх мы нынче. А кокетство – это элемент общения: ирония у меня добрая, а доброта ироничная. А причина проста: не фабричная я. На фабрике ООО «Прокруст и Со» меня не делали. Вот и вышла такая корявая. Питерским легче. У них есть великие лекала (образцы). По ним можно пули лить; хоть серебряные, хоть яхонтовые. И вот как в пулю сажают вторую пулю или бьют на пари по свечке, – так можно себя прокрустицировать, причем с высокой результативностью.*

– Очень! До меня сразу дошло, я опытный инженер человеческих душ, привет Сталину. Седцевед (не путать с сердцеедом). Оставайтесь самой собой. И не мешайте мне выстраивать наш августий – и августейший (Августа и Августин!) - разговорщик. Мы вчера с моим московским издателем поменяли моей книжке название – не из одних только из коммерческих соображений: «Высоцкий и другие. Памяти живых и мертвых». Делаю соответствующие изменения.

– Отличное название! Я про «Высоцкий и другие. Памяти живых и мертвых». Интегрирующее. Не настораживающее. Хулиганство (мелкое) дозволяете?

И не дождавшись моего ответа, пока я его строчил:

– Да, сколько угодно! Тем более Вам. Вам можно все!

Софья Непомнящая прислала мне пикантную свою фотку с припиской:

– Это - ночью по указанному адресу.

Долго из-за этого снимка-неглиже не мог заснуть, несмотря на снотворные таблетки. А как спалось в эту ночь Соне Непомнящей?

Из чужих голосов – а у моей корреспондентки 5 тысяч френдов – привожу только один, ревнивый:

- Кто такой этот Владимир Соловьев, с которым ты так бесстыдно кокетничаешь?

- Сегодня дан был *urbi et orbi* (публичный) ответ, кот., пользуясь его свежестью, можно тут привести.

И, предупредив меня – «Ща-ща, Вова. Ща на вас поработаю. Рекламку вам на свои 5 тыс. растиражирую. У нас же такой вполне публичный литературный роман *smile emoticon*» - Соня вывесила на своей странице интервью со мной, как раз в этот день опубликованное. Возвращаемся к моей будущей книге, куда вставляю этот разговор.

– «Высоцкий и другие» - стильно. В пандан «Не только Евтушенко»?

– Догадливы. Гадайте дальше.

– На кофейной гуще?

– Кто «другие»?

– Укладываюсь в 6 секундное окошко: если в предыдущей книге однокорытники Евтуха – Белла и Андрей, то «другие» – **ВЕСЬ КОКТЕБЕЛЬ**.

- Весь Коктебель плюс. Кто входит в «плюс»? Чур, не заглядывать через плечо!

– Через плечо - это что? намек на мои 174 см? Еще 6 сек: БЕЗОТЦОВЩИНА. Я о Высоцком.

– Так были же у него отец и две матери, включая любимую мачеху. Любимов – отцовская фигура? Вряд ли...

– БЕЗОТЦОВЩИНА - ключ к хар-ру ВСВ, – настаивает Соня, не пускаясь в подробности.

– А может быть отцовской фигурой женищина? Мачеха? Марина Влади? Он прилипчивый был. Даже к Мише Шемякину, хоть тот моложе лет на шесть. Проехали.

На дворе глубокая ночь, а нам с Соней все не оторваться друг от друга.

– Коли Вы не даёте мне заснуть, возбуждая без нужды, то и я Вам не дам. Не спи, не спи, художник, не предавайся сну, ты вечности заложник у времени в плену.

- ... как летчик, как звезда. Не спи, не спи, работай, Не прерывай труда, Не спи, борись с дремотой, Как летчик, как звезда.

- Отлично, моя авгурша! А с дремотой бороться не приходится – я засыпаю со снотворным.

В ответ забил фонтан красноречия – монолог Сони Хабинской о Высоцком:

- Уж больно заарканила я ситуацию. Думала вынести обсуждение на ФБ, но, вижу, уже поздно. Разгадка проста. Неоднократно приходилось сопровождать мои мини-группы в заказных экскурсиях по музею Высоцкого. А понтами они увешаны, понятное дело, как светлейший князь Потемкин брюликами. Поэтому они редко довольствуются обычными штатными экскурсоводами. Приглашающая сторона либо осведомляется у стороны угощаемой, кого из друзей ВСВ или просто его биографов им хотелось бы в живую в музее послушать. Вот по совокупности этих интерактивных повествований поняла следующее:

При живом папе живого папу ВСВ увидел впервые лишь где-то лет в 10, отправившись из своего нищего детства прямехонько в сверкающий антиквариатом дом папиной новой семьи в ГДР.

После пары лет он вечно холодного и недостижимого своего отца снова утратил до самых что ни на есть хрущевских времен.

– А дружелюбная мачеха, которую благодарный Володя звал «мама Женя»?

– Да. Жил с мачехой. Но метался. Дома своего (ни на Каретном, ни на Мещанской) не имел. У родной мамы был неприветливый любовник, у взрослых (прежде всего – мам) была своя жизнь. И молодой ВСВ просто мешался под ногами. Чтоб не мешаться и ища замену отцу (ну да, отцовская фигура, будь по-Вашему!), шлялся по взрослым друзьям семьи. Но все большую часть жизни проводил на улице, рос дворовым шалопаем. Да еще и непонятно какого двора, когда везде и всем полу-чужой. Рослый красавец с иконостасом боевых...

– Больше 20-ти наград. Было за что.

– Вот-вот, этот папа орденноносец вечно был недостижимым идиолом. Окромя нескольких Володиных песен (военных, писанных, чтобы понравиться отцу), сына не любил. Упрекал сына с самых примитивных совковых позиций.

– Вы о нем больше знаете, чем я. Я не биограф, а портретист, Высоцкого видел больше на сцене, чем в личку. У меня про него гостевая глава – там Миша Шемякин с мемуаром про Марину и Володю (и его же тетрадка фоток и иллюстраций), мой сын Eugene Solovov с английским стихом про Высоцкого (видел его тинейджером) и моя

преамбула (печаталась пару месяцев назад в «Московском Комсомольце» и «Русском базаре»). А как же у Высоцкого не возник Эдипов комплекс?

– Кто Вам сказал, что не возник? Пусть и на латентном, неосознанном уровне. Короче, папы сперва не было физически, потом (до конца жизни) эмоционально. И наконец (опять же, до конца жизни) - идейно. Так что, красавец-еврей (в отличие от щуплого и по сравнению с ним невзрачного ВСВ) оказался просто типичным советским жлобом. Еще и хищным до вещей и денег мещанином в придачу.

Кстати, музейные экскурсоводы занижают вдвое еврейскость ВСВ: Папа его - еврей по полной: якобы русское ИО его мамы...

– Нина Максимовна?

– Вот-вот! – переделка с еврейского (не упомяну какого точно ИО).

– Соня, милая, остановитесь, пока не поздно – мне это в текст и в контекст вставлять! Хотя нечто на любимую тему русского народа про еврейство – весьма кстати. Я и не подозревал. Муж всегда узнает последним. Если узнает. На меня эти «еврейские» новости сыпятся как из рога изобилия: то у Мастроянни мама из Одессы, то мама Адама Мицкевича из выкрестов, а то все репинские бурлаки – на подбор: лайбовники, лалы. А теперь вот Высоцкий... Если даже так – хорошо бы все-таки проверить – что из того? Как отразились эти гены на искусстве Высоцкого? Имеет ли это хоть какое значение в его артистической и поэтической биографии? И относительно несчастного детства нашей суперзвезды позвольте усомниться. На послевоенном фоне у Высоцкого было счастливое советское детство.

– Уточняю: не беспризорница, а именно БЕЗОТЦОВЩИНА. Да, при живом отце. Имхо ключ к характеру, поведению, деструктивности и самоуничтожению.

Сублимированный Эдипов комплекс: обращен на самого себя.

– С Высоцким закончили. А кто «другие» в моей книге?

– Окуджава, само собой...

– Отгадали. Еще?

– Тарковский, да?

– Оба. Отец и сын.

– Эврика! Ваша Юнна...

– Давно уже не моя. И слава богу! Слуцкий меня пытал: «Неужели вы спите с Юнной?» И не дав мне ответить: «Дружбы с ней тоже не понимаю».

– Вы спали с Юнной Мориц?

– Академический вопрос. Как и вопрос о том, чем заняты ночью Софья Фамусова и Молчалин, имя запомнил. Как и то, чем с Вами сейчас заняты мы.

И уйдя от вопроса, дабы заинтриговать – нет, не Соню, а читателя! – перечисляю остальных героев и антигероев моей книги «Высоцкий и другие. Памяти живых и мертвых».

– Шукшин, Эфрос, Слуцкий, Володин, Вампилов, Рейн, Таня Бек, младшая шестидесятница из Розового гетто. О любом из них? Да хоть обо мне. Главный герой всех моих книг – Владимир Соловьев. Потому последняя книга моего «пятакнижия» так и будет называться «Быть Владимиром Соловьевым».

– О Вас – с превеликим удовольствием. И знаете, почему?

– До завтра. Прочту утром, чтобы не отвлекаться от архитектуры нашего разговора – чистая готика получается.

На утро получаю крылатого коня среди облаков с надписью:

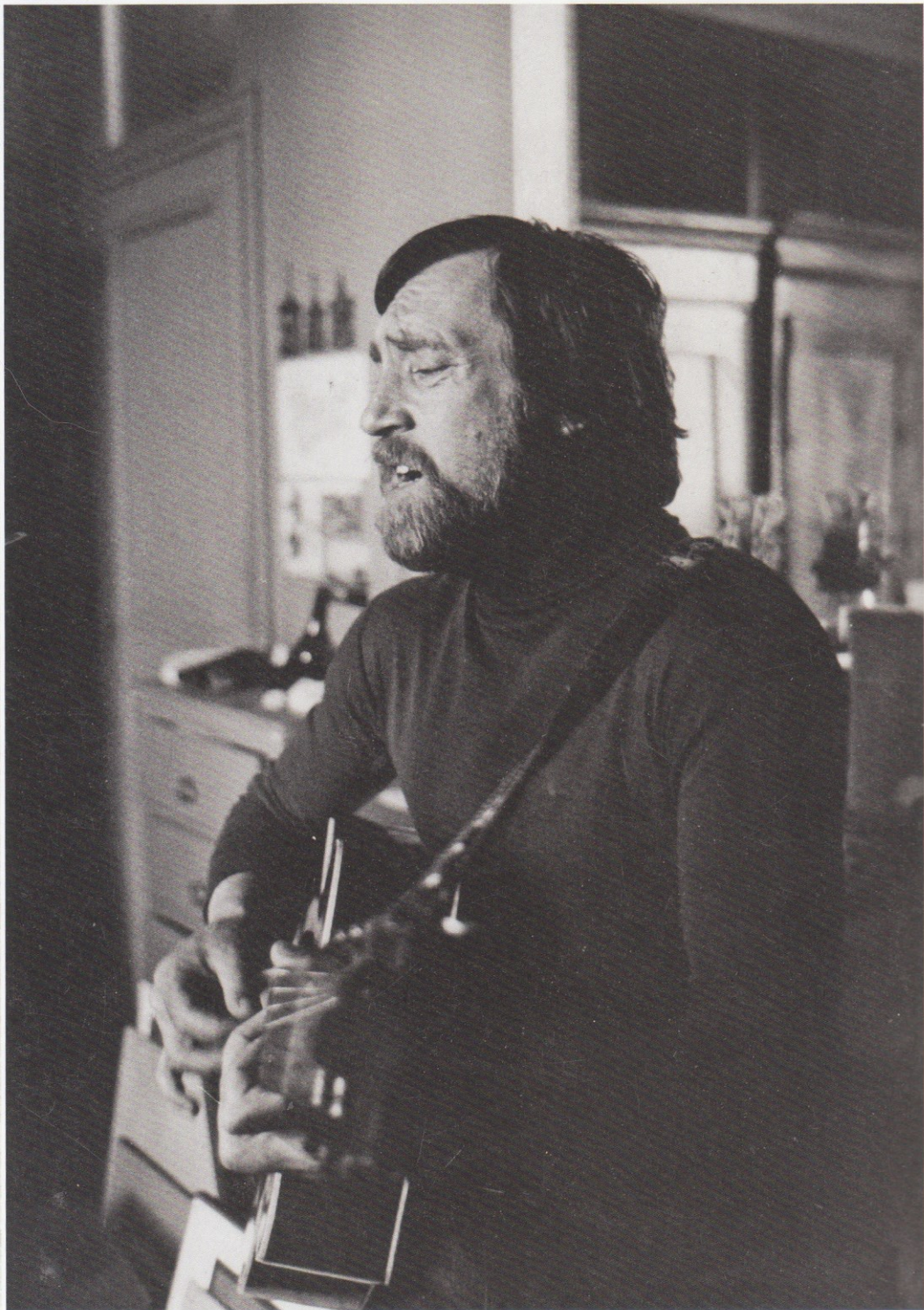
Пожелание читателя автору: София Непомнящая – Владимиру Соловьеву

Летайте Пегасом, Владимир! Надежно. Выгодно. Удобно.

Что я и делаю с тех пор, как себя помню. Маршрут, правда, выбираю не я, а расчудесный этот коняга, крылышкуя метафизическое пространство, и под его копытом оно превращается в субстрат времени, которое я пересекаю в разных направлениях с читателем в качестве пассажира.

Владимир Высоцкий в мастерской Михаила Шемякина
Фотография М. Шемякина. Париж, 1970-е

Владимир Высоцкий у своей любимой картины «Метафизический бюст» Михаила Шемякина.
Впоследствии эта картина была повторена в бронзовом рельефе, который теперь
является частью памятника Владимиру Высоцкому в Самаре
Фотография М. Шемякина. Париж, 1979

В Москве только что вышла книга Владимира Соловьева «Не только Евтушенко» и в следующем месяце появится ее продолжение «Высоцкий и другие. Памяти живых и мертвых»